

Вокруг словно выключили звук: столовая замерла, и на несколько долгих секунд воцарилась такая тишина, что казалось — слышно, как у людей в горле пересыхает от изумления. Студенты, ставшие свидетелями этой сцены, почти не верили своим глазам; кто-то, упрямо не желая признавать очевидное, попробовал повторить — тоже пнуть дверь, тоже «как он», — и тут же взвыл, подпрыгивая на одной ноге и судорожно прижимая ладони к ступне.

Линь Луси, будто ничего особенного не произошло, без тени смущения и без малейшего изменения в лице, спокойно убрал ногу и повернулся к девушке, которая сидела на земле — то ли от испуга, то ли потому что действительно подвернула ногу.

— Однокурсница, ты в порядке? — спросил он ровно. — Сможешь подняться?

Девушка несколько мгновений смотрела на него широко раскрытыми глазами, словно пыталась совместить в голове две несовместимые вещи: стекло, разлетевшееся от одного удара, и этого тихого, вежливого парня. Потом она машинально поправила прядь у виска, заправила волосы за ухо и попыталась встать — но тут же, не удержавшись, тихо охнула: «sss...» — и снова опустилась на ступень. Лицо её, красивое и аккуратное, побледнело; улыбка вышла натянутой.

— Кажется... я ногу подвернула, — призналась она с неловкой горечью.

Линь Луси кивнул так, будто это была обычная бытовая мелочь, и, не теряя времени, несколько раз коснулся своего коммуникатора.

— Хорошо, — сказал он. — Не переживай. Я уже вызвал медиков, сейчас придут. Скоро тебя заберут.

Девушка буквально онемела.

Нет, правда — она, такая вся «красавица в беде», с короткой юбкой, с белыми, ровными ногами, которые сами собой легли под правильным углом, будто жизнь подсказывала выгодный ракурс; она сидит перед ним, жалкая и трогательная... а он не то что не бросает на неё лишнего взгляда — он ещё и вызывает медицинскую бригаду, как будто не понимает, что по сценарию сейчас должна начаться романтика.

Разве в таких ситуациях не принято подхватывать её «принцессой» на руки, унести в медпункт, лично нанести мазь — и дальше, шаг за шагом, разворачивать прекрасную историю кампусной любви?

Линь Луси, заметив, что девушка слишком долго молчит и смотрит на него так, будто он с другой планеты, провёл рукой перед её глазами.

— Сильно болит? — уточнил он.

Девушка уже было собралась мотнуть головой, но на полпути замерла и резко, преувеличенно закивала — так усердно, словно боялась, что Линь Луси, не дай бог, решит: «не больно — значит, и ждать не надо».

Линь Луси присел рядом на корточки, улыбнулся — мягко, почти успокаивающе — и, увидев, как в её взгляде медленно поднимается робкая надежда, произнёс:

— Не бойся. Я здесь, подожду с тобой, пока они придут.

В эту же секунду где-то наверху раздалось сухое «п□» — и вслед за ним звонкий, окончательный треск: что-то упало и разлетелось на мелкие осколки.

На втором этаже, в туалете, дверь была заперта изнутри. Сквозь неё доносились приглушённые, едва различимые звуки рвоты — короткие, сдерживаемые, будто человек внутри старался быть максимально тихим. Затем зашумела вода — долго, настойчиво, — а потом загудел сушильный аппарат, выдувая горячий воздух.

Через некоторое время дверь открылась, и наружу вышел Юэ Синхэ.

С первого взгляда казалось, что с ним всё в порядке: осанка ровная, шаг спокойный. Но волосы у лба были слегка влажными, уголки глаз покраснели, а на ресницах блестели капли воды, не до конца стёртые — как след того, что только что он приводил себя в порядок слишком быстро, слишком тщательно, чтобы это было «просто так».

Подойдя к входу в столовую, Юэ Синхэ увидел знакомую фигуру и остановился. Линь Луси, будто почувствовав взгляд кожей, обернулся — и сразу же расплылся в улыбке, яркой, открытой, почти ослепительной, как весенний цветок в полном распуске.

— Они ушли вперёд, — сказал он легко. — А я остался тебя дожидаться.

Юэ Синхэ не двинулся с места. Он просто смотрел на Линь Луси, и в этот короткий миг его лицо стало почти непроницаемым: никакой улыбки, никакого тепла — словно кто-то мгновенно убрал занавес эмоций.

Линь Луси чуть убрал улыбку, насторожившись.

— Что-то не так?

Юэ Синхэ подошёл ближе несколькими быстрыми шагами, и его взгляд опустился на девушку, сидевшую на ступеньках.

— А это кто? — спросил он.

Девушка неожиданно почувствовала, как по спине пробежал холодок, и мысленно буркнула: «Да ладно... разве не говорили, что Юэ Синхэ всегда мягкий и вежливый?»

Ей казалось, что этот взгляд режет, как световой клинок — не просто смотрит, а словно прицеливается.

— А! — спохватился Линь Луси. — Она просто упала и ногу подвернула. Ничего страшного, я уже вызвал помощь — они как раз идут.

И действительно: чуть поодаль к ним подкатилась медицинская машина — круглая, пузатая, смешная на вид, но с холодной, деловитой механикой движений. Металлическая «рука» схватила девушку так, будто поднимала кролика, и аккуратно усадила её в корзину на своём «брюхе», напоминая кенгуру с сумкой.

Перед тем как её увезли, Линь Луси успел добавить — с той самой серьёзностью, с какой обычно дают полезные жизненные советы:

— И запомни, что я сказал: девушкам тоже надо тренироваться. В следующий раз не будешь падать на ровном месте.

Девушка дёрнула уголком губ — выражение было такое, будто она не знала, смеяться ей или плакать. Когда робот отъехал подальше и они вышли из поля зрения, она вдруг слегка напряглась, легко спрыгнула с «сумки» и приземлилась абсолютно уверенно, без малейшей хромоты.

Отправив робота прочь, она надула губы, достала коммуникатор и с явным неудовольствием отправила заказчику короткий отчёт: задача А, первая стадия — провалена.

А Линь Луси, оплатив разбитое стекло столовой, вместе с Юэ Синхэ направился к спортивному комплексу, где проходили бои.

Когда они ушли, несколько студентов, которые только что с важным видом обсуждали, не караулит ли Линь Луси Гао Кэюнь и «не забыл ли он старую любовь», почувствовали, как у них буквально горят щёки. Они переглянулись — и всем стало одинаково неловко.

По дороге Юэ Синхэ вдруг сказал, как будто между делом, но слишком точно:

— Та девушка не была ранена.

Нога у неё была цела.

Линь Луси прищурился и улыбнулся так, будто его это искренне забавляло.

— Конечно, я понял.

Он даже пошёл спиной вперёд, продолжая говорить легко, непринуждённо — словно они гуляли, а не шли на важнейший этап турнира.

— Ну, это же девушка. Надо хотя бы чуть-чуть сохранить ей лицо.

Юэ Синхэ бросил на него взгляд.

— Заботливый ты.

— А как же, — без тени смущения откликнулся Линь Луси.

И тут же, порывшись в бумажном пакете, вытащил бутылочку молока и протянул её Юэ Синхэ так, будто это была не мелочь, а знак дружбы, который нельзя оставить без ответа:

— Держи. Я специально тебе купил. Ты же в прошлый раз угощал меня молоком — теперь моя очередь.

Юэ Синхэ на мгновение замер и только потом взял.

После недавнего приступа тошноты горло у него действительно было раздражено, а желудок — неприятно пуст и слаб. Тёплая бутылочка в руке вдруг показалась странно «горячей», почти обжигающей — не температурой, а смыслом: слишком простой жест, слишком человеческий, чтобы под него было легко подложить злой умысел.

Он задержал взгляд на серебристой макушке Линь Луси, вспомнил его яркую улыбку — и лениво прищурился.

«Пока что этот мелкий шпион ничего мне не сделал. Может, подождать, пока он действительно попытается навредить — и тогда уже схватить его на месте?»

Они дошли до комнаты отдыха и там некоторое время смотрели чужие поединки. Днём первой выступала Крис; вскоре после её боя подошла очередь Линь Луси.

После прошлого матча большинство зрителей так и считало: Линь Луси просто «наступил в удачу», и никакой настоящей силы у него нет. Если бы она была — разве университет не принял бы его сразу? Разве ему понадобилась бы рука Юэ Синхэ, чтобы удержаться здесь?

И атмосфера... нет, она была даже более раскалённой, чем в прошлый раз.

Потому что негатив в отношении Линь Луси накопился до предела: толпа уже не просто хотела поражения — ей хотелось зрелища. Хотелось увидеть, как его втоптывают в настил, как он валяется без зубов, с треснувшими рёбрами, воеет от боли и плачет, униженный. Только так, казалось им, можно выплеснуть то, что давно бурлило внутри.

И самое грязное было в другом: если реальность вдруг не совпадёт с их ожиданиями, ярость не исчезнет — она просто найдёт новую цель. На его противника. Говорили, что соперника Линь Луси из прошлого боя до сих пор травят в сети так, что тот ходит потерянный, словно из него выкачали всё желание жить.

Линь Луси, как и прежде, вышел к краю ринга неспешно, даже лениво. Уперся руками, одним движением подтянулся и забрался на помост.

Но на этот раз было отличие: напротив него стояла девушка.

Когда Линь Луси разглядел лицо соперницы, он сам на секунду застыл — и одновременно с этим трибуны взорвались так, будто кто-то бросил искру в бочку с горячим.

— Чёрт, да что у Линь Луси за везение?! В прошлый раз — удача, ладно... а сейчас против него ещё и богиня! Ну всё, я завидую, я сгнил от зависти!

— Лимонное дерево растит лимоны, под деревом — ты и я. Сегодня мы все лимоны!

— Я слышал, он по Гао-богине сохнет давно. Он что, и правда любимчик судьбы? Она решила, раз Линь Луси нравится — сама его и «сводит»?

— В этот раз он точно проиграет. Кто способен ударить того, кого любит? Чёрт... а я утром зачем-то поставил пару тысяч на его победу... о нет!

Да. Соперницей Линь Луси в отборочном бою оказалась именно Гао Кэюнь — та самая, в которую прежний Линь Луси был влюблён.

Гао Кэюнь, одна из будущих девушек из окружения Юэ Синхэ, была не только красивой и яркой — у неё была фигура, которую невозможно не заметить, и происхождение, которое невозможно игнорировать. Дочь высокопоставленных людей Союза, настоящая наследница, выросшая в мире власти и привилегий, где на слабых смотрят сверху вниз просто потому, что могут.

Разумеется, прежнего Линь Луси она не воспринимала всерьёз. Когда он однажды набрался смелости и признался — она отказала коротко и безжалостно, не оставив ни щели для надежды.

А потом, вскоре, прежний Линь Луси заметил, что к Юэ Синхэ она относится иначе — и именно тогда, когда на горизонте появился Чжэн Цзюнь со своими «предложениями», он и согласился.

Выходит, прежний Линь Луси и впрямь был «романтиком до костей».

Линь Луси окинул Гао Кэюнь взглядом сверху вниз, спокойно, оценивающе, и слегка кивнул: да, в ней было то, что могло увлечь.

Но то, что для Линь Луси было обычным анализом противника — привычкой смотреть внимательно, не недооценивать, — в глазах Юэ Синхэ выглядело совсем иначе: как пристальный, влюблённый взгляд человека, который «не разлюбил».

«Но ведь этот Линь Луси — не тот Линь Луси...» — мелькнуло у Юэ Синхэ, и тут же вторая мысль, неприятная, как заноза: «А если у них просто одинаковый вкус? Если этот маленький шпион тоже с первого взгляда влюбился в Гао Кэюнь?»

Взгляд Юэ Синхэ стал холоднее.

Он даже улыбнулся — тонко, почти лениво — и, прищурившись, продолжил наблюдать за Линь Луси на ринге.

«Цинь Тянь в последние дни что, филонит? Почему план до сих пор не запущен?»

«Штраф. И дополнительные тренировки.»

На ринге же Гао Кэюнь, не сомневаясь ни секунды, решила, что Линь Луси по-прежнему ею одержим. Она подняла подбородок, на лице проступило презрение — такое, будто ей неприятно даже смотреть в его сторону, будто один взгляд может «испачкать».

Но затем она заметила наблюдающий взгляд Юэ Синхэ — и тут же всё в ней изменилось: щёки словно потеплели, глаза заиграли влажным блеском, и она начала посылать ему кокетливые взгляды один за другим, уверенная, что он смотрит на неё.

Линь Луси уловил движение, обернулся — и сразу увидел Юэ Синхэ. И, как будто весь его мир мгновенно стал простым и ясным, он широко, с размахом помахал ему рукой и улыбнулся во весь рот — так, что улыбка была видна даже издали.

На скамье участников Юэ Синхэ слегка замер, затем выключил коммуникатор, который только что открыл, прикрыл рукой лоб и опустил взгляд.

«Да... сегодня солнце слишком яркое», — подумал он.

Примечание автора:

Получил молоко.

Юэ Синхэ: «Ладно, пусть Цинь Тянь отложит план».

Подумал, что Линь Луси любит Гао Кэюнь.

Юэ Синхэ: «Почему план всё ещё не начали? Штрафовать!»

Юэ Синхэ то туда, то сюда — вот он какой, вечно колеблющийся.

Глава 13. Бой ещё не начался, а исход словно уже был известен

Казалось, всё решено заранее.

Ну правда: представьте, что вы выходите на бой — и напротив вас стоит ваша «богиня», та самая девушка, которая раньше смотрела на вас свысока и не считала достойным даже лишнего слова. А теперь судьба, будто издеваясь или, наоборот, подмигивая, подсовывает вам шанс величиной с небо: возможность оставить в её памяти хоть крошечный след, хоть одно «он был не совсем ничтожен».

От одной мысли хочется завывать от восторга — «да я сейчас всё сделаю!».

И, судя по себе, публика легко примеряла ситуацию на любого: окажись на месте Линь Луси они — они бы тоже ухватились за шанс. Не просто ухватились — вцепились бы зубами. Да так, чтобы «богиня» выиграла красиво, благородно, чисто, без пятен; чтобы победа сияла и не вызывала сомнений.

Скорее всего, Линь Луси будет думать так же.

Но стоило толпе вспомнить, что этот человек — с дурной репутацией, со «слабым талантом», да ещё и под защитой Юэ Синхэ, — и что он, по слухам, годами вздыхал по Гао Кэюнь, а теперь прямо на ладони получает шанс... зависть моментально превращалась в злость.

«Вот уж кому везёт. До безобразия.»

«Сравнил себя с ним — и хочется умереть.»

Трибуны зашевелились, зашумели, и этот шум быстро стал агрессией: люди, которым он был неприятен, начали орать, перекрикивая друг друга, голосить до хрипоты, вываливать ругань, будто Линь Луси лично разрушил их жизни.

Если бы кто-то, не знающий контекста, услышал их, он бы решил, что между ними — кровная месть.

Для Гао Кэюнь Линь Луси должен был бы быть ничем — в её кругу общения были либо элита, либо одарённые, перспективные, яркие. В её глазах Линь Луси — как муравей на дороге: мелькнул и исчез.

И всё же она его запомнила.

Потому что прежний Линь Луси однажды осмелился на мерзость: прикрываясь именем Юэ Синхэ, он обменивался с ней любовными письмами. Его довольно быстро разоблачили поклонники Гао Кэюнь, но самое отвратительное было не в разоблачении — а в том, что «признания», которые она принимала за чувства Юэ Синхэ, на деле оказались словами этого мрачного, бесполезного человека.

Ей было противно ещё долго. И с тех пор, встречая его, она предпочитала обходить стороной.

Если бы правила позволяли — она бы просто не пришла на бой. Но в турнире нельзя отказаться. Нельзя «сдаться заранее».

Гао Кэюнь нахмурилась, резко подняла брови и, сжав губы, бросила:

— Линь Луси, сдавайся.

Линь Луси:

— ...

Эта фраза прозвучала до смешного знакомо.

Он помолчал секунду, словно примеряя слова на вкус, а потом не выдержал и язвительно буркнул — не столько ей, сколько самой логике этого мира:

— У вас тут что, у всех голова не в порядке? Почему вы так любите требовать от других «сдавайся»? Самоуверенности — хоть отбавляй.

Гао Кэюнь не уловила странности в его оборотах — не заметила того, что в его речи иногда проскальзывает «чужая» интонация. Она услышала только главное: намёк на наглость, на «раздутую самоуверенность». И эти слова — «самоуверенности хоть отбавляй» — попали точно в больное место.

Её лицо моментально налилось гневом.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17160/1605954>